

Кристиан Ханник (Трир, ФРГ)

ДИАЛЕКТИКА ИОАННА ДАМАСКИНА
В СЛАВЯНСКОМ И ГРУЗИНСКОМ ПЕРЕВОДЕ:
ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Сочинение византийского богослова Иоанна Дамаскина, жившего на рубеже седьмого и восьмого столетий, Πρωτὸν ὑπόθεσις, было переведено выборочно на староболгарский язык Иоанном Экзархом¹ и полностью в южнославянских землях в XIV веке. Этот перевод издал с примечаниями немецкий славист Е. Weiher².

В другой стране средневекового христианского мира, в Грузии, так называемую Диалектику Иоанна Дамаскина перевели дважды. Первый перевод был выполнен деятелем грузинской культуры, жившим в монастырях Черной Горы при Антиохии в конце XI века, современником Никона Черногорца Ефремом Мцире³. Почти одновременно ученик Ефрема и основатель известной Академии в Икалто, в Восточной Грузии, Арсени Икалтоели, внес в свой сборник, известный под названием Догматикоп, новый перевод Дамаскинской Диалектики, который отличается от прежнего труда Ефрема большим сходством с греческим оригиналом. Обе редакции грузинского варианта Диалектики издала с введением и со словарем Мая Рапава⁴.

Подробное изучение двух переводов не является целью этого доклада, в нем я намереваюсь только обрисовать опыт сравнения методов перевода, и только с точки зрения лексикологии. Используя несколько примеров, постараюсь показать влияние уже существующих лексических соответствий в греческом и славянском, а также в греческом и грузинском языках, или отклонение от этих определенных пар. Разумеется, что при этом нельзя задержаться на более употребительных словах и выражениях, перевод которых можно уточнить, применяя такие методы как пословный принцип, которые изложил, между прочим, Верещагин⁵. Чтобы не отклоняться от преследуемой цели этого доклада, а именно, показать сравнительные аспекты в двух, хотя не современных переводах одного византийского сочинения на славянский и грузинский язык, я опустил вопросы, связанные с двумя славянскими переводами, а, следовательно, не проследил важные результаты, полученные в этой

¹ Изд. Бодянский, О. М. Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского По харатейному списку Московской синодальной библиотеки. Чтения в имп. Обществе истории и древностей рос. при Моск. Унив. 1878/4, 1-69; ср. Минкова, Л. Осип Максимович Бодянский и Болгарское Възраждане. С., 1978, с. 46.

² Weiher, E. Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 8. Wiesbaden, 1969.

³ Ср. Брегадзе, Т. М. Переводы Ефрема Мцире (Библиография). Мравалтави — Историко-филологические разыскания 1, Тбилиси, 1971, с. 450, № 77. (на груз. языке).

⁴ Иоанн Дамаскин. Диалектика. Изд. М. Рапава. Тбилиси, 1976 (на груз. языке).

⁵ Верещагин, Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971, с. 23 и сл. Об этом труде ср. рецензии Мошнского, Л. Rocznik Słowistyczny 35, 1974, 43-51 и Недельковича, O. Slovo 23, 1973, 213-222.

области Хансаком⁶ или Садником⁷ или Благовой⁸ или Тростом⁹. Выборочный характер следующих примеров объясняется объемом изучаемого текста и необходимостью стремлением к ясности.

Греческое слово *χαρακτήρ* и отвлеченные понятия *χαρακτηρίζω* и *χαρακτηριστικός* переведены одинаково как *наурьтаник*, *наурьтатн*, *наурьтательнь*. В старославянских текстах встречается *наурьтаник* в значении *графъ*, *характеръ*, *χάραγμα* и *наурьтатн* как *διασημαίνω*, *ὀλογράφω*¹⁰, *наурьтательнь* употребляется также по Миклошичу в переводе из *Δογματικὴ πανοπλία* Евфимия Зигавина¹¹. Редкость этого понятия доказывается тем, что оно лишь один раз встречается в тексте Дионисия Ареопагита в переводе Исаия Серского¹². В этом примере переводчик сохранил этимологическое значение слов и исходил из корня *χάραττω* — *урьтатн* как уже установлено в ирмосе первой песни восьмого гласа *Σταυρὸν χαράξας Μωσῆς* — *Кръста наурьтавъ* Мюнн в Новгородском ирмологии XII века¹³. Нельзя не отметить, что слово *χάραγμα* не встречается в дамаскинской Диалектике.

По смыслу, а не по этимологии, переведено *χαρακτήρ τῆς ὁμοούσιως αὐτοῦ* в Послании к евреям 1, 3: *образъ тельствья нго* в Христинопольском апостоле¹⁴, *образъ оупостаи нго* с Шищатовачком апостоле¹⁵, *образъ вцини нго* в Матичком апостоле¹⁶.

При этом единственном появлении понятия *χαρακτήρ* в Новом Завете нельзя не упомянуть цитат из стиха Послания к евреям, речь о котором идет в Софийском Служебнике, где читается *образъ состава твоего*¹⁷.

В грузинском переводе Диалектики Иоанна Дамаскина слово *χαρακτήρ* передается как *hati*¹⁸, так же как в Послании Павла к евреям 1, 3¹⁹. *Hati* обозначает *είκων*, например, в Послании к колоссянам 3, 10 или *μορφή* в Послании к филиппанам 2, 6²⁰, в местах, в которых читаем в старославянском тексте *образъ* относительно *зракъ*²¹.

⁶ Hansack, E. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung I. Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, 10. Würzburg, 1975, 18—21.

⁷ Sadnik, L. Eine zweite südslavische Übersetzung des Johannes Damascenus. — Slaw. Studien zum V. Intern. Slawistenkongress 1963. Opera slavica. 4. Göttingen, 1963, 281—284.

⁸ Bláhová, E. Die erste kirchenslavische Übersetzung der Chrysostomos-Homilie 'Εκ Σαυμάτων ἐν τῷ Σαββάτῳ. — Anzeiger f. slav. Philologie, 3, 1969, 74—101.

⁹ Trost, K. Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexaemeronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469. — Forum slavicum, 43. München, 1978.

¹⁰ По Slovník jazyka staroslověnského II. Praha, 1973, 326—327. Ср. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русс. языка. II. СПб 1895, с. 351 и сл.; Словарь русск. языка XI—XVII вв. X. М., 1983, 314—315.

¹¹ Miklosich, Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Wien, 2 1862—65, s. 417.

¹² Ср. Keipert, H. Die Adjektive auf *teľьь*. Studien zu einem kirchenslavischen Wortbildungs typ I. Veröff. d. Abt. f. slav. Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Univ Berlin, 45. Wiesbaden, 1977, s. 101.

¹³ Koschmieder, E. Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente I. Abh. Bayer. Akad. Wiss. Phil.-hist. Kl. N. F. 35) München, 1952, s. 252.

¹⁴ Aem. Kaľužniacki. Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice ad fidem cod. Christinopolitani. Wien, 1896, p. 220.

¹⁵ Miklosich, F. Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeoslovenice. Wien, 1853, p. 219; новое издание этого памятника готовится Д. Стефановичем (Белград).

¹⁶ Ковачевић, Р., Д. Е. Стефановић. Магични апостол (XIII век.). — Зборник за историју језик и књижевност српског народа САНУ I, 29, Београд, 1979, с. 325.

¹⁷ Slovník jazyka st.-slov. II, 326 s. v. *Наурьтаник*.

¹⁸ Диалектика, изд. Рапава, 51, 10 относительно слав. 100 а 4.

¹⁹ Грузинские версии Посланий Павла, изд. К. С. Даоценидзе и К. Д. Дanelia — Труды каф. др.-груз. яз., 16, Тбилиси 1974, с. 343 (на груз. яз.)

²⁰ Там же, с. 308, 282.

²¹ Christ. с. 207, 200; Šiš 180, 255; в Матичком апостоле с. 287, 274 читается только *образъ*.

Что касается *χαρακτηριστικός* и *χαρακτηρίζω*, например, в выражении *τὰ χαρακτηριστικά ἰδιώματα* (Weiher 43 в 8) грузинский переводчик точно перевел как *gatsahveli* относительно *dasahvay*, (Рапава 100:13,6), словообразования от *sahe*, *tomtsahveli* *eidos* или *σχήμα* (Рапава 122:38, 19). К сожалению, соответствие к ирмосу *Σταυρὸν χαραῖξας Μωσῆς* в древнегрузинских ирмологиях не существует²². Итак, из других источников можно определить перевод слова *χάρῖτω* на древнегрузинский язык лишь косвенно.

В этом отношении грузинская версия слова Василия Кесарийского на 40 Севастийских мучеников (ВНГ 1025; СРГ 2863) является очень занимательной. В грузинских гомилетических сборниках это похвальное слово встречается в трех переводах²³. Первый перевод сохранился в грузинском мравалтави *Sin. iber.* 32—57—33 от 864 г.²⁴; в конце X века Евфимий Афонский (ум. 1028) изготовил новый перевод, так как третий перевод происходит от новейшего времени. В изучаемых здесь выражениях грузинские переводы не маловажно различаются.

В первом, старом переводе *οἱ δὲ τοῖς πίναξιν ἐυχάρῖττοντες* (PG 31, 509 A 2) передали как *romenime picarta gamohhatven*²⁵, как так Евфимий, проверявший старый текст на основе греческого подлинника, перевел как *esenī camlebita gamosahven*²⁶. Несмотря на неточную передачу греч. *πλάξ* в евфимиевском переводе оказываются производные глаголы от корня *hati* и *sahe* синонимичными. Семантическое поле грузинского слова *gamohatvay* не ограничивается значением „вырезать“, как видно из цитируемого, в старой христианской литературе распространенного поучения Василия Кесарийского в том же абзаце (PG 31, 508 D). Там читаем в переводе Евфимия *vitarca gamohatvit*, греческое *ὄπτερ ἐν γραφῇ* в значении *velut in tabella*²⁷.

Добавим, что в послании к Галатам 4, 19 глагол *gamohatvay* передает морф. *μέχρις οὗ μορφωθῆ* *Χριστός ἐν ἡμῖν* — *vidremde gamoihatos Kriste tkuen šoris*²⁸.

Итак, можно заключить, что этимологическое значение понятия *χαρακτήρ* сохранилось в передачах *наурътани* и *hati*; с другой стороны, переносное значение слова *χαρακτηρίζω*, *χαρακτηριστικός* славянский переводчик передал неточно посредством *наурътати*, *наурътательнъ*, тогда как Ефрем Мцире и Арсени Икалтоели использовали не по этимологии, а по смыслу производные слова от *sahe*, по греч. *eidos*²⁹.

Следующий пример относится к переводу группы слов с приставкой *κατα-*. В главе „ὁ κακὸς ἐμὲ καὶ καὶ ἐστὲν“ (Weiher 186:80 в 7) и в отдельной главе „ὁ νῆ-βελεννῆ“ (Weiher 222:96 в 2) Диалектики Иоанн Дамаскин определяет понятия *κατάφασις* и *ἀπόφασις*, *καταφατικός* и *ἀποφατικός* в значении „утверждение — отрицание“. Славянский переводчик передал *κατάφασις* искусственно через *нанъреченнѣ* и *ἀπόφασις* через *отрѣннѣ* относительно *отреченнѣ*. Наречия звучат соответственно *нанъречѣннѣ* и *отречѣннѣ*, или *нанъречѣтельнѣ* и *отречѣннѣ* для перевода слов *κατα-*

²² Ср. Метревели, Е. Две древние редакции грузинского ирмология (по рукописям X—XI вв.) Тбилиси, 1971 (на груз. яз.); Невмирозанный ирмологий (Рукопись А-603), изд. Г. И. Кикинадзе. — Памятники др.-груз. письменности, 3, Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).

²³ Ср. Van Esbroeck, M. Les plus anciens homéliaires géorgiens. Étude descriptive et historique. — Publ. de l'Inst. orientaliste du Louvain, 10, Louvain-la-Neuve, 1975, с. 127.

²⁴ Ср. Абуладзе, И. Образцы грузинского письма. Палеографический альбом. Тбилиси, 1973, с. 336 (на груз. яз.).

²⁵ Цит. по Абуладзе, И. В. Словарь древнегрузинского языка (Материалы), Тбилиси, 1973, с. 49, с. v. *gamohatva* (на груз. яз.).

²⁶ Курцикидзе, П. И. „Почуения“ Василия Кесарийского в переводе Евфимия Афонского. — Памятники древнегрузинской письменности, 5, Тбилиси, 1983, с. 171, строка 5 (на груз. яз.).

²⁷ Там же с. 171, строка 2.

²⁸ Груз. версия Посл. Павла с. 237.

²⁹ Ср греч. *δοξολογία* груз. *ertsahe*; Рапава, М. А. Из истории грузинской догматики. О терминах „ertarseba“ и „tanaarsa“. Мравалтави. — Историко-филологические разыскания II. Тбилиси, 1973, с. 111. (на груз. яз.)

φατιχῶς-ἀποφατιχῶς³⁰. Префикс *нань-* для греческого *ката-* встречается еще в переводе Дионисия Ареопагита по доказательству Словаря русского языка XI—XVII вв. (т. X 161). Из приведенных примеров видно, что это словообразование мало соответствовало потребностям древнеславянского языка. В Диалектике находим также слово *наньгаагааланне* для перевода *κατηγορία* в значении „общее определение, категория“, *наньгаагаалантн* — *κατηγορεῖν*, *наньположенне* — *κατάθεσις*. Последнее понятие объясню позже. При передаче слов *κατηγορία* и *κατηγορεῖν* славянский переводчик отказался от уже зафиксированных в Новом Завете пар *κατηγορία* — *Хочуаа* или *речь* в Евангелии Иоанна *κατηγορεῖω* — *вззгаагаалантн* или *оклеветатн*.

В грузинском переводе Ефрем Мцире и Арсени Икалтоели решили свою задачу несколько иначе, так что необходимо уделить обоим переводам особенное внимание. Наречия *ἀποφατιχῶς* и *καταφατιχῶς* Ефрем передает посредством *gančinebitad* и *šemthuevitad*³¹; первое слово происходит от судебного языка в значении „судебное решение“; перевод „положительно“ — *šemthuevitad* обозначает „случайно“. В дальнейшем изложении текста Диалектики Ефрем употребляет более точные понятия *cartkumay* для *κατάφασις* и *ukutkumay* для *ἀπόφασις*, оба слова Арсени использует и при образовании наречий. Общий элемент двух понятий происходит от глагола *tkma* — сказать — *φημί*. Префикс *car* — обозначает направление, подобно греческому *ката* — так как префикс *uku* — соответствует *ἀπο-* в смысле „сзади“ или *ἀντι-* в смысле „напротив“³².

Что касается *κατηγορία*, грузинские переводчики сохранили новозаветный³³ термин *šesmpenay*³⁴, словообразование от *špena* „услышать“. Обращая теперь внимание на понятие *κατάθεσις* — *наньположенне* (Weißer 186:80 в 7), нельзя не отметить, что славянский переводчик не только передал греческое слово искусственно, но по видимому не понял смысл предложения. Ефрем и Арсени в этом месте перевели опять иначе. В более раннем тексте Ефрема находим *metqeli ketilad qopisay*, что значит „словесное хорошее состояние“, так как Арсени передал через *džer-činebay* „приличное определение“³⁵. Напоминаю, что Ефрем Мцире образовал перевод слова *καταφατιχῶς* с помощью того же самого корня *gančinebitad*. Приводить другие примеры в этих рамках излишне. Анонимный славянский переводчик старался точно передать сжатое содержание Диалектики Иоанна Дамаскина, используя метод дословного перевода и не стараясь создать новые, до него не бывшие в употреблении выражения. Нельзя сомневаться в том, что он понял язык и содержание греческого подлинника, но возникает вопрос, поняли ли читатели славянского перевода Диалектики искусственно переданный текст без знания греческого оригинала.

Философская традиция у славян начинается Иоанном Экзархом и в Киевской Руси Изборником 1073 г.³⁶, архетип которого, как известно, происходил от времени царя Симеона. Изучая отношение читателя к книге на Руси в XI в., Сапунов справедливо отметил:

„В XI в. встала чрезвычайно сложная задача — в минимально короткий срок нужно было выбрать из океана византийской и других литератур те произведения, которые в наибольшей степени отвечали потребностям древнерусского читателя, которые, с точки зрения церкви или княжеской власти, соответствовали задачам, стоявшим перед русским обществом XI столетия“³⁷.

³⁰ Ср. Keipert. Die Adjektive auf — *telъъ* I, s. 109.

³¹ Диалектика 38, 20: Рапава с. 147; 50, 1: Рапава, с. 166.

³² Ср. Шанидзе, А. Основы грамматики грузинского языка I. Морфология. — Труды кафедры др.-груз. яз., 15, Тбилиси, 1973, с. 245, § 311 (на груз. яз.).

³³ Ср. I Тим. 5, 19.

³⁴ Диалектика 38, 18: Рапава с. 146 — Weißer 80 а 4.

³⁵ Диалектика 38, 21: Рапава с. 147.

³⁶ Ср. Пейчев, Б. Философский трактат в Симеоновом сборнике. Киев, 1983, особенно с. 87—100: Симеонов сборник и перевод „Диалектики“ Иоанна Дамаскина. На с. 92 Пейчев говорит о переводе *κατηγορία* — *наньгаагааланне*.

Эта же задача стояла перед просветителями последующих столетий. Из «океана византийской литературы» славянские переводчики, их заказчики, а, следовательно, и читатели обращали мало внимания на философские сочинения, хотя самые важные труды византийской экзегетики и догматики непонятны без знания философских терминов и предметов. По-видимому, следующее предложение будет всегда оставаться недоказанной гипотезой, а именно то, что славянские переводчики и их просветительские кружки ощущали нужду в переводе философских сочинений при работе над богословскими текстами, как, например, трактатами Дионисия Ареопагита или Шестодневом Георгия Писидийского³⁷. Такие значительные сочинения как Амфилохия патриарха Фотия или трактаты Михаила Пселла, Иоанна Итала о философских предметах остались неизвестными в славянской средневековой литературе. Философия и ее отрасль диалектика являлась наряду с риторикой важной частью византийской системы обучения. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в большом количестве прогимнастас с выдержками из античных и позднеантичных сочинений, например, Гермогена, Геродиана и др. Кроме Георгия Хировоска эта традиция не нашла отражение в славянской литературе и в средневековой славянской системе обучения, о которой мы знаем мало³⁸. Этим объясняется то, что переводчик Диалектики Дамаскина не мог основываться на подтвержденной терминологической традиции. Он попытался передать в греческом контексте уже известные понятия при дословной передаче словарного состава отдельными выражениями. Редкость употребления вне Диалектики созданных таким способом слов доказывает, что язык и содержание Дамаскинской Диалектики не влияли сильно на развитие философской мысли у славян.

Не иначе обсуждает Пейчев переводческую работу князя Курбского над новым переводом Диалектики в XVI в.: «Целый ряд терминов представляют собою нововведения русского переводчика. Они не встречались нигде прежде и могут быть объяснены как результат его творчества»⁴⁰. Не отрываясь от, пожалуй, скромной роли традиции, просветители XVII и XVIII веков обратились к западу и положили начало дальнейшему развитию.

Иначе было в Грузии. Так как первые грузинские переводчики и самобытные писатели трудились одновременно с крупнейшими византийскими представителями эпохи процветающей патристики и с последними позднеантичными мыслителями, они черпали, так сказать, из живого источника и трудились нередко вместе с византийскими писателями в монастырях Ближнего Востока и Константинополя. Подобно Давиду Непобедимому в Армении, грузинские мыслители создали грузинскую философскую систему на основе византийской традиции, используя при этом античные греческие сочинения. Нельзя обойти в этом отношении такие имена, как имя неоплатонского философа Иоанне Петрици. Уже упомянутые переводчики Дамаскинской Диалектики, Ефрем Мцире и Арсени Икалтоели считаются впрочем важнейшими представителями философской мысли в XI и XII веках⁴¹. Упомянутая исходная позиция являлась более плодотворной для развития философской терминологии в Грузии, чем у славян. В нашем опыте сравнения двух переводов Диалектики Иоанна Дамаскина на древнеславянский и древнегрузинский язык мы отметили лишь некоторые аспекты этого вопроса, который нуждается в углублении и продолжении.

³⁷ Сапунов, Б. В. «Богословица от словес» в Изборнике 1073 г. и проблема читателя на Руси в XI в.: Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977, с. 235.

³⁸ Ср. Радошевич, Н. Шестоднев Георгия Писиде и његов словенски превод — Посебна издања САНУ, Визант. Инст., 16, Београд, 1979.

³⁹ Ср. Самое новейшее исследование Гюзелева, В. Училища, скриптории, библиотеки и знания в България XIII—XIV в. С., 1985.

⁴⁰ Пейчев. Философский трактат, с. 99.

⁴¹ Ср. Меликшвили, Д. Н. К становлению грузинской философской терминологии. — Вопросы языкознания, 1978, № 5, 121—127, особенно 122—124 (о трудах Ефрема и Арсения над Диалектикой); о значении грузинских мыслителей в истории философии XI в. ср. Каухчишвили, С. Г. История греческой литературы, III: Литература византийского периода. Тбилиси, 1973, 2-ое изд., с. 250 (на груз. яз.).